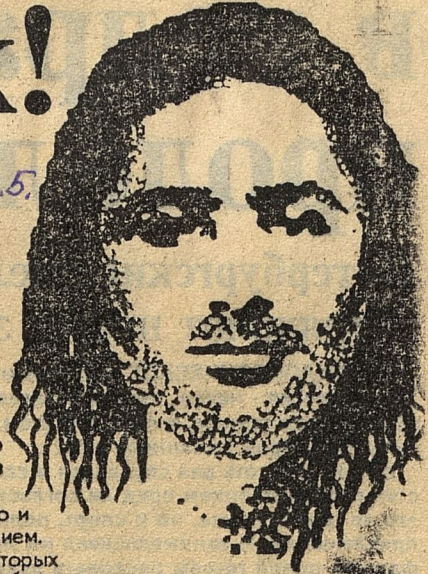

Я люблю тебя, лодочник!

Смелая - С-Пб - 1995 - 22 июля - с.5

КАЖЕТСЯ, включи уют - и он тоже зарычит "лодочника" - странную, нежную песню с неуловимым сюжетом и хулиганской самоиронией, напоминающей, что нечего рвать страсти в клочья - все игра, все понарошку. Как и ученое звание автора песни, ставшей музыкальным сопровождением нынешнего лета, ПРОФЕССОРА ЛЕБЕДИНСКОГО.

- Леша, почему - профессор? Из-за папы - доктора медицины?

- Нет, конечно. Правда, однажды подумал: он всю жизнь учился, работал, а я - во какой! - два института бросил - и уже профессор, и все меня знают.

- Какие же институты?

- Сначала из ЛЭТИ ушел в армию и больше не вернулся, потом - из Круты, где все было замечательно и у замечательных преподавателей учился специальности "руководитель эстрадного оркестра", пока не попал к Максиму Леонидову, тогда стало не до учебы.

А "профессор" - это из ряда нормальных прибалтасов, которые не терпят объяснений и понятны сами по себе. Ведь что объединяет людей - то, над чем они прикалываются. Когда у них общее понимание смешного - им хорошо вместе. И тогда возникает такой маленький жаргончик - можно впиндюлить по самым не грусти.

- Спиши слова.

- Я могу сказать все нормальными словами, но они не такие сочные.

- А эти "сочные слова" - не самозачита?

- Это удовольствие при общении! Раньше от "Русского размера" - "юа-юа-ю, видишь ту звезду" - меня трясло, тошнило, и я вырубал телевизор. А как познакомился с ребятами, стал вместе работать, все обернулось совершенно по-другому. Я даже стал спокойно воспринимать эту музыку, когда понял, где и как они прикалываются. Чего стоит охренительный припев про Абу-Саида: "Но нет мотора, и корабль не летит, но не знал об этом лишь Абу-Саид. Он в ракете сгоряча нажал на старт - и умчался в небо Азии солдат". От такого текста мозги заворачиваются, а народ принимает по серьезке: о, техно! "Все постирал и собрался заранее" - мощное техно.

- А "Я убью тебя, лодочник" кто-нибудь принимает по серьезке?

- Да, и это уже убивает меня самого. Когда, купившись на эту фразу, как на буквальный призыв, люди наливаются злобой и ищут, на ком бы ее выместить. Хотя история с маленьким мальчиком, притаившимся в лодке, сжимающей гранату, прокрутилась в голове невероятно конкретно и ярко, слова песни возникли ассоциативно - из них невозможно вытащить реальный сюжет. Все это не более чем гротеск - никто никого не хотел убивать и не убил. А началось с того, что мой друг почему-то сказал: "Я убью тебя, лодочник!", и я обалдел от этих слов: "Откуда?" Он говорит: не помню, вроде из какого-то советского фильма про революцию. Только он сказал: "про революцию" - песня за пять минут сочинилась сама. Слава богу, что есть люди, которые ее понимают. Вообще, самое драго-

ценное свойство человека - чувство юмора.

- Судя по песням, оно тебе не отказывало и в школьные годы.

- Я их провел прекрасно и вспоминаю с удовольствием. Но некоторые училки, которых ненавидел, - запали, особенно одна, по литературе. Она обычно хвасталась, сравнивая себя с нашей мировой директрисой: "Вот Майя Леонтьевна выше меня по школьной линии, а я ее - по партийной". Когда умер Брежнев и нас построили на линейку, она зарыдала таким подлым воем, что мы с приятелем, стоя в третьем ряду и дивясь на эту омерзительную показуху, едва не лопнули от смеха.

- Какой ты был циничный ребенок.

- Почему циничный! Просто сколько себя помню, стоит наступить торжественному моменту - меня прямо разрывает на страшный ржач, не могу сохранить серьезное лицо. А тем более, что за дело ребенку - Брежнев умер? Ладно, умер - ну и чего? Естественно, мы с приятелем не могли не расколоться, хотя и жуть брала: сейчас как выкинут со скандалом, как пошлют за родителями.

- А когда еще ты раскалывался в неподходящие моменты?

- В армии, конечно. Построения, команды, речи - это же дико смешно. Кстати, когда наша тартуская дивизия стратегического назначения, где я служил в оркестре, получила два за учения, прислали нового помощника - молодого, преуспевающего полковника Дудаева. При нем гарнизон на ухах стоял - еще бы, как может дивизия стратегического назначения получить двойку за учения? Но оркестранты, несмотря на дудаевские строгости, оставались лихими самоходчиками. Как-то мы с другом пришли на вечернюю поizerку из Дома офицеров. Друг длинный, я его еле держу, он вообще не стоит на ногах, только что где-то блеванул на улице, и глаз у него заплывший, невидящий. Вдруг прапорщик как рявкнет: "Что самое главное для солдата?". А друг открывает заплывший глаз и тоже рявкает: "Рродина!" Ну, думаю, сейчас его точно пригребут, но прапорщик только обрадовался: "Неправильно! Главное для солдата - дисциплина!"

А был еще замечательный армейский момент - ну, не замечательный, но тоже смешной. Мы постоянно играли на похоронах. В первый раз это ужасно, а потом - запросто, привыкаешь. У нас была маленькая специальная книжка похоронных маршей, причем марши такие: "Прощай, товарищ, N 2", "Прощай, товарищ, N 4" и лишь один - Шопена. Обычно договаривались: "Ну что, сейчас Шопена? А теперь давай "Прощай, товарищ, N 5". Раз зимой, во время похорон

какого-то майора, одного из наших попросили помочь опустить гроб. И когда он помогал, у него туда вниз упала шапка. Что делать? А это Эстония - кладбище чистое, ухоженное, красиво вокруг - и катаются дети на лыжах. Стали кричать: "Мальчик, а ну иди сюда!" Отобрали у него лыжи и его принесли доставать шапку. Такой вот экспрессионистский прикол из армейского прошлого.

- А как насчет приколов нынешних?

- Доприкалывался. Вроде бы все нормально. И - растерялся. Судя по всему, для меня начинается абсолютно новая жизнь - пойдет раскрутка, будут вложены бабки. А я-то по натуре домосед, меня выпахать куда-то - огромная проблема. И самое утомительное - общение с людьми, которые достают: пойдем с нами посидим, выпьем. Начинается долгая отмаза, приходится объяснять, что не можешь, по уши занят, потому что просто отказаться неудобно - обидятся. Если же хоть раз согласишься куда-нибудь поехать - немедленно последует тема: у нас тут день рождения, приезжай, спой для нас, мы же тебя брали с собой, тебе запахло, что ли, с нами? Ты чего-то оборзел - давай приезжай и пой, тебе гворят! В принципе, от этого тоже никуда не деться - самого Галича слушали под поросенка с хреном. Как сейчас к поросенку с хреном подадут Кристину Орбакайте или даже Аллу Пугачеву. И Тину Тернер, наверно, тоже.

- Да ну, браток, не грусти.

- Может, бог и простит?

- Конечно! И ты выпустишь наконец взамен пиратских записей классный альбом "Пока не умру".

- Нет, он будет называться "Малосольный огурец", потому что "Пока не умру" - гнусно, скучно, неприкольно. Это же был напуганный стейб. Когда я его начинал писать - думал, дай-ка сочини самую глупую, жуткую, слезливую песню! Но единственным человеком, который ее оценил, оказался мой друг, подаривший фразу про лодочника. Он сказал: "Вот тут ты действительно приколотся, от души!" Остальные же пускают слезу от дебильного текста, где столько пошлятины наворочено: браток, бог простит, время умчалось... Но самое смешное, что и я вслед за всеми закипаю слезой от немыслимых по дуристости слов: "И еще мы споем нашу главную песню..."

Беседовала Елена
ЕВГРАФОВА

Рисунок
Виктора БОГОРАДА